

СЕГОДНЯ, когда наша межпланетная станция облетела Луну, вспоминаются эти дерзкие слова молодого Маяковского: «Эй, вы! Снимите шляпу! Я иду!»

...Сегодня советский человек выходит в космос. Он доставил на Луну вымпелы Родины и дал своим космическим разведчикам не только «зрение», и «слух», и «голос», но и другие, неведомые создания природы могучие и тонкие органы восприятия и исследования.

Вселенная спит, положив на лану с клещами звезд огромное ухо.

Извечный сон ее, ослепленный поэтами и ослепленный наукой, потревожен. Советский человек, повернувший ход истории на Земле, вторгся во Вселенную.

Мы начинаем знакомство с нашими космическими соседями. Это — достойное дело для творческого гения человека. Наша страна протянула руку Соединенным Штатам Америки: Давайте в выполнении невиданных по смелости научных замыслов обнаружим перед народами, чей общественный строй дал больший простор творческим силам человека!

Прогрессивную идею, которая нужна человечеству, ни остановить, ни умерить невозможно. Ни клеветой, ни оружием. В годы войны в Калуге оккупанты с животной яростью громили маленький Дом-музей Циолковского. Они топтали сапогами модели и рукописи, в которых он обосновал принципы создания межпланетной ракеты, — русский ученый, перед смертью завещавший свои работы «партии большевиков и советской власти» подлинным руководителям прогресса человеческой культуры.

Светлая мысль Циолковского живет в сегодняшней работе ученых.

Ракеты, посланные в космос, не только преодолели притяжение Земли, — они разорвали оковы многих установившихся представлений, рассказали людям Земли о нашей стране правдивее и убедительнее, нежели это делали пресса и радио иных стран. Космические разведчики вызвали неожиданные качественные изменения и в нашей жизни и работе.

Взгляните, как сразу изменились представления о ряде наук! Астрофизика, изучающая небесные тела, и геофизика, «земная» наука, теперь неотделимы друг от друга, ибо изучение других планет даст ценнейший материал о Земле. Возникнет вопрос о создании комплексного института астробиологии, чьи астрономы, химики, физики и биологи могли изучать жизнь на других планетах.

А тизис, принявшая к своим телескопам, наблюдательная астрономия вдруг обрела возможность ставить опыты и исследования невиданного размаха и дерзости. Она вмешивается в микрозвезд: разве человек не превратил созданные им искусственные тела в тела небесные? В полном согласии с законами небесной механики они совершают путь, прерванный на Земле.

И наконец то, что наполняет сердце гордостью и воодушевляет: величайшее богатство непосредственного опыта, который один есть и почва, и критерий науки, получают в свои руки философия марксизма, диалектический материализм.

Вот именно сейчас, в эти минуты, когда радио приносит в вашу комнату позывные научной станции из межпланетных пространств, — откройте бесмертную книгу Владимира Ильича Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», вслушайтесь в ленинский голос, исполненный волнения, гнева, сарказма. Станьте вновь свидетелями страстной партийной борьбы за материалистическую теорию познания, которую вел Владимир Ильич с идеалистами всех мастей, во все времена и под любыми флагами скатывавшимися к подлой реакции и оставлявшим лезвием для религиозного объяснения мира.

Со страниц книги доносятся к нам и голоса ленинских оппонентов, в них — аллоп и уверенность в своей научной непогрешимости: «...Мы не можем утверждать, что пространство и время имеют реальное существование... Они не являются ни бесконечными, ни бесконечными делыми, будучи по существу своему ограничены содержанием наших восприятий...»

Не выключайте радио! Станция ведет из космоса передачу, сообщая нам точные сведения о материальной жизни космического пространства. Остро, почти физически, всеми данными нам природой чувствами, мы проследиваем путь нашего разведчика, затравивший путь человека, астронавта.

«...Наши развивающиеся понятия времени и пространства отражают объективно-реальное время и пространство; приближаются к нему, как и вообще, к объективной истине», — читаем мы у Ленина. Когда идеалистический лагерь ликовал, считая, что с открытием сложной структуры атома из-под ног материалистической теории выбита ее основная опора, Владимир Ильич Ленин разбил их короткой фразой, в которой как бы отлита вся сущность и метода, и теории. Он сказал, что именно разрушительность атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движение являются опорой диалектического материализма.

Наше поколение стало счастливым современником завоевания микрокосмоса, когда расщепление атома дало в руки советской науке неисчерпаемые ресурсы энергии и подтвердило вновь и вновь положения марксистской философии сегодня. Покорение межпланетных пространств ведет науку к новым победам.

Но, быть может, высказывания ленинских оппонентов устарели, и время давно сделало этот спор неактуальным?

Нет, жестокая борьба продолжается и сегодня. В мире капитализма ведут активное наступление различные идеалистические философии — от идеалистического «прагматизма», чье основное положение — «истинно то, что полезно», до воинствующего фидеизма.

Мне пришлось видеть брошюры и про-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 127 (4093)

Четверг, 15 октября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

«Эй, вы! Небо! Снимите шляпу!»...

Э. ЦЮРУПА

ошесты, которыми в прошлом году снабжал советских гостей павильон Ватикана на Всемирной выставке в Брюсселе. Напечатанные на меловой бумаге, с иллюстрациями, они поразительно совмещали в себе рассуждения о необходимости «доверчивого приятия тайны Бога и Его искупительной любви», дислокацию экспонатов, грубые выпады против Советского Союза и точные координаты ресторана при павильоне «Град Божий». Там же указывались пути «отыскания и разумного обоснования духовных первооснов бытия», а также предупреждение о трансцендентности, недоступности тайны бога для разума.

А как же поступили авторы этих брошюр с величайшими современными открытиями, с научной мыслью? Очень

Дневник ПИСАТЕЛЯ

просто. Они сообщили читателю, что наука и религия вполне уживутся, если понять, что наука изучает мир, а религия познает бога, то есть первооснову бытия. От тебя, советский читатель, для спасения души требовалось только одно: признать, что первый атом сотворил бог, а все последующее — принадлежит к компетенции науки.

В брошюре некоего С. Франка, именующего «известным русским философом», даже приведен ослепительный божественный целомурием пример того, сколь различны цели и материал изучения у наук и у религии: «Биология учит о рождении организмов в порядке постоянных природных его условий, но она ничего не говорит о том, что случится, когда в дело вмешается самое Божество, и Святой Дух ниспослет на избранное им тело святой женщины». Почему же она об этом не говорит? — вопрошает автор, и сам же отвечает: — Да просто потому, что это не ее дело, она биология, а не теология!

Не правда ли, перед лицом столь сокрушительных доказательств советскому посетителю павильона, получившему брошюру «в подарок», ничего другого не оставалось, как признать неоспоримость духовных первооснов бытия!

Всех за этими анекдотическими концепциями, предлагающими столь мирное разделение сфер влияния, авторы атого и других изданий, бесплатно вручавшихся советским посетителям, переходят к возведению небесных дотов для более или менее безопасного пребывания божества. Загнанные в тупик развитием науки и общественной практики, лишенные даже адекватного кусочка неба, где можно разместить трансцендентного, непостижимого бога, они, как наложники, загораживаются формулами вроде: существование бога доказывается лишь «чистым разумом», откровением оно не подлежит!

Еще бы! С «чистым разумом» куда спокойнее, нежели с чувственным опытом. Вель еще Фейербах говорил: «Где выступают в свои права глаза и руки, там прекращают свое существование боги».

Поповские формулы пытаются хорошо нам знакомыми религиозными, агностическими, субъективистскими положениями идеализма. Они дают возможность богу с удобствами устроиться вне времени и пространства и отсюда, из этого «нигде — всюду» и «никогда — всегда»,

сегодня, на вполне точном историческом отрезке времени освещать «высшим разумом» и «высшей справедливостью» бесчеловечные законы империализма.

Но могут ли авторы, пишущие для сегодняшнего читателя, удержаться на уровне современности, если они не скажут ни слова о материалистической философии? Вынужденный обстоятельством, философ Франк упоминает о «грубом материализме», учении «бессмысленном» и «главно опровергнутом». И вот тут-то сквозит благочинность и наукообразность трактата: вдруг с истеричной неустойчивостью прорывается жгучая ненависть воинствующих мракобесов, рожденная страхом перед прогрессивной мыслью, освобождающей людей из-под ярма религии:

«На каком почти идиотическом нелогичном основании ходячее убеждение, что человек, отвергнув религию, с помощью разумного научного знания и своего свободного стремления к совершенству

увердит на земле всеобщее счастье... и станет вообще хозяином своей собственной жизни? Кто это делает? Маленький жалкий комочек мировой грязи, ничем принципиально не отличающийся от всего остального мира, победит и приведет в порядок чудовищные космические силы? Или это значит для мировой грязи и пыли «справедливый» и «разумный» порядок? Она есть так, как она есть, она от века крутится, частично ее сплитуют и разламывают, и те ее комочки, которые называются «людьми», от века дерутся между собой, пожарив друг друга, в положенный срок дохнут и разлагаются».

Какая бесстыдная, неприкрытая пропаганда человеконенавистничества, истерических войн! Какое подлое унижение человека, порабощение его духовных сил, его достоинства! Вот воистину то болото мракобесия, в которое скатился современный идеализм через свои теории о непознаваемости мира.

Как не вспомнить гневные, насмешливые слова Ленина о позиции английского философа Уорда: «Мы вам отдам науку, г.г. естествоиспытатели, отбавьте нам глоссологию, философию, — такое условие сожителства теологов и профессоров в «переводных» капиталистических странах».

Нет, мы и сегодня не отдам науку теорию познания мира! Борьба мировоззрений продолжается, ибо, как и полвека назад, когда Ленин писал свою книгу, философия партии.

Наша философия столь же истинна, сколь глубоко человечна, ибо она утверждает в человеке веру в его силы.

«Долой небо — закономерная связь всего (процесса) мира». В этих концептуальных записках из ленинских «Философских тетрадей» — слиток страстной, наступательной материалистической мысли, требующей от человека освобождения от религиозных пут, постижения объективных законов природы, овладения ими.

И сколькими строками выше еще требовательнее, еще точнее: «Небо долой: материализм».

Сегодня наша Родина вновь выступает как революционер и первооткрыватель в мировой дипломатии и в мировой науке. Мы предлагаем народам мира перековать мечи на орава и зовем человечество на творческий путь созиданий и исследования, путь дальнейшего познания мира.

Советский человек, бесконечно богатый теорией диалектического материализма, переступил порог величайших открытий. Человек выходит в космос. «Эй, вы! Небо! Снимите шляпу!»...

«Казанский Магнитик» называли металлургический завод, который строится в Темир-Тау. И так же, как когда-то, во времена первой пятилетки на Магнитке уральской, так и сейчас на этой крупнейшей стройке семилетки молодежь совершает трудовые подвиги.

Вот Людмила Шайченко — одна из лучших работниц стройки. Ее специальность — электросварщик-верхолаз. Она строит домну имени 40-летия комсомола.

Фото П. Федорова

Что мы видели в Сибири?

Так назывался этот вечер в Центральном Доме литераторов. По тому, что рассказывали писатели, очевидцы, бывшие в Сибири с бригадами «Литературной газеты», а главное — по тому, как рассказывали, было ясно: поездки эти необыкновенно обогатили их впечатлениями.

— Нет такого самолета, нет такой горы, с высоты которой можно было бы окинуть взглядом всю земную сибирскую, — говорил Евгений Рыбчиков. Он подробно осветил интересную, многогранную деятельность литераторов — участников поездки.

— Я горжусь тем, — сказал К. Андреев, — что был членом бригады, работа в которой оставила заметный след в моей творческой биографии.

— Мы видели много чудесного и удивительного, но самое удивительное — это люди, — подчеркнул В. Герасимов. Дога писателя — воплотить в художественных произведениях все увиденное, рассказать о людях, чей самоотверженный труд преобразует землю.

— Мы вовсе не ждали, посылая бригаду в Сибирь, что писатели привезут с собой оттуда через месяц романы и повести, — заявила председательствовавшая на вечере С. С. Смирнова. — Но мы были уверены, что организационно поможем литераторам лучше узнать нашу действительность, познакомиться с передовым краем, с планетой, рассчитывая, что в результате этой поездки получат интересные очерки, статьи и стихи для «Литературной газеты», ждали от членов бригады острейших выступлений в местной печати. И расчеты наши оправдались.

В заключение были показаны кадры из фильма о Сибири, снятого Б. Прохорова, оператором Центральной студии телевидения. В фонде ЦДЛ была организована большая фотовыставка о работе писательских бригад в Сибири.

ТАЛАНТОМ И УПОРНЫМ ТРУДОМ...

САРАТОВ — город интеллигентный, город студентов —sprawляет пятидесятилетие своего университета. Программа торжества многообразна — от научных чтений до спартакиады и смотров художественной самодеятельности. Одним из интересных эпизодов университетского праздника была его литературная часть — научная конференция по творчеству Константина Федина, встречи писателя с саратовской общественностью.

«Отсюда пошли мои первые представления о русской земле — как о Мире, о русском народе, как о Человеке. Здесь складывались начальные понятия о прекрасном...», — говорил Константин Александрович о Саратове.

В конце сентября, прервав напряженную работу над романом «Костер», К. Федин приехал в город, на юбилейные торжества.

Константин Александрович поделился с земляками своими творческими планами. Он читал им новые главы из романа «Костер»...

...Вот Цветухин, седой, опустившийся, и только черновисные глаза, как прежде, молодые. За день до начала войны он встречает в Бресте Аночку Парабукину, Анну Тихоновну, теперь народную артистку. Они сидят в кафе и долго-долго беседуют. А в груди у каждого целая буря чувств. Происходит, по существу, поединок, после которого Цветухин ощущает, что роли поменялись: ученица переросла учителя.

А вот сцена — утро следующего дня. Крутом бомбят, все ходит ходуном, а на полу в комнате, видит Анна Тихоновна, дрожит такой уютный, привычный утробный солдатынский «зайчик», как будто ничего не случилось.

Не знаю, как другим, но мне во время слушания одного из эпизодов новых глав «Ностра» на какое-то мгновение стало даже жутковато: на наших глазах, сходя с истерзанных страниц черновиков, отделяясь от автора, рождалось законченное искусство. Что-то, вышедшее писателем, сугубо личное, незнакомое, будучи публично произнесенным, становилось вдруг общим и дорогим для всех нас...

Научная конференция по изучению творчества К. Федина заслушала и обсудила ряд докладов и сообщений советских и зарубежных ученых. «Основные проблемы изучения творчества К. Федина» П. Буганко (Саратов), «Федин — редактор сызранского журнала «Отклики» З. Левинсона (Тула), «Кирилл Извеков — положительный герой нашего времени» Б. Брайниной (Москва), «О переводах произведений К. Федина на немецкий язык» Вольфа Дювеля (ГДР, Берлинский университет имени Гумбольдта), «Язык художественной прозы К. Федина» М. Борисовой (Саратов).

Существует обширная литература о творчестве Константина Федина. Как отмечалось на конференции, свой вклад в изучение произведений писателя внесли видные наши литературоведы и критики. Федину посвящено свыше полсотни кандидатских диссертаций. Ряд ценных работ появился в странах народной демократии. Научная конференция в Саратове позволила повести определенную итоговую коллективную исследования творчества одного из крупнейших советских писателей.

Приведя слова писателя, что «постыльным его стремлением было «найти образ времени и включить время в повествование на равных и даже предположить в правах с героями», Е. Покусаев заявил:

— Стремление, чтобы произведение как можно ярче несло на себе отпечаток времени, есть, конечно, у каждого хорошего писателя. Но у Федина это стремление во многом определило все своеобразие творческой манеры.

О глубоком историзме романов Федина убедительно говорилось и в других выступлениях.

Одним из ценных моментов конференции явилось укрепление союза литературоведов и лингвистов. Как показал, в частности, содержательный доклад М. Борисовой, лингвисты стали все больше уделять внимания красочности, образной силе слова, а не ограничиваться разложением языка

писателя на лингвистические категории. Буржуазное литературоведение, — заявил П. Буганко, — тоже оплетает своеобразную «дьяну» Федина. Авторы ряда учебников на Западе пытаются доказать, что творческие успехи писателя, дескать, находились в антигонистическом противоречии с принципами советской литературы. Нужно сказать, что отряд литературоведов и критиков, занимающихся творчеством Федина, не очень активно отбивает эти вражеские атаки.

На конференции были высказаны ценные предложения. Наступила пора создания научных библиографических справочников произведений Федина, Леонова, Фадеева и других крупных советских писателей и библиографических справочников критической литературы о них.

Участники конференции высказывали желание, чтобы в Саратове регулярно устраивались научные фединские чтения. Хорошая мысль! Такие же конференции-чтения нужны и по творчеству других крупных наших художников слова, — они помогут научно освоению эстетических богатств, накопленных советской литературой.

На конференции и на следующий день, во время выступления перед студентами университета, Константин Александрович было подано много записок с самыми разнообразными вопросами. Ответы на них превратились в поучительные беседы о художественном мастерстве.

Мы достигли очень многого в науке, отвечает К. Федин на один из вопросов, в частности, в области техники, естествознания. Не можем мы жаловаться и на свое искусство. В некоторых видах жанрах оно стоит на очень большой высоте. Но везде ли, во всех ли видах, жанрах искусства мы ушли вперед по сравнению с предшествующими временами? Мы должны создавать новые, совершенные формы искусства — искусства коммунизма.

Одна из записок была посвящена теме современности в советской литературе. Сейчас, сказал Константин Александрович, предпринимаются конкретные шаги на пути, широко открывающем перед писателем советскую действительность. Подобное делалось, скажем, и в годы первой пятилетки, когда нужно было дать стимул, чтобы писатель вышел в мир и посмотрел вокруг себя. Были тогда поэзды, они дали плоды. Сейчас наши товарищи по перу в Сибири продолжают эти традиции. Но сразу ли облетают результаты? Киню это даст скорее: сегодня снял, завтра показал. Но там техника другая, наша техника более сложная. Стимулировать литературу к участию в практической жизни нужно, это мы делаем и будем делать, но делать с умом, чтобы дать наибольшую пользу.

— Я бы хотел, — сказал К. Федин, — чтобы в Саратове, на Волге, был создан свой журнал, который охватит весь верхний и нижний плес Волги — это большая область, объединенная общим дыханием, это край колоссальный, и у него должно быть свое литературное лицо. Должен быть свой толстый журнал, где бы участвовали все лучшие силы, начиная от горьковчан и кончая астраханцами. Для этого у Волги не меньше оснований, чем у Дона, который уже получил такой журнал.

Подлинное мастерство достигается талантом и упорным трудом. И еще раз — в творчестве нет мелочей. Из мазков кисти, из слов, как из кирпичиков, складывается искусство, сказал Федин. Он напомнил мудрую в своей простоте реплику одного старого художника на нежном заседании, в разгар схоластических споров описи об искусстве: «...Товарищи! Мазок забыли...»

— Я кончу его словами, потому что лучше сказать не могу, — заявил К. Федин под аплодисменты слушателей, собравшихся в большой университетской аудитории, — потому что, когда я говорю об искусстве, я помню, что такое искусство. Надо помнить мазок!

Ю. ОКЛЯНСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

САРАТОВ

Алексей Александрович Суркову

ДОРОГОЙ наш друг и товарищ! В день Вашего шестидесятилетия горячо поздравляем Вас и от всей души желаем Вам здоровья, сил, бодрости и новых творческих успехов.

Вы пришли в литературу из самой гущи народа, имея за плечами большой жизненный опыт. Вы принадлежите к тому поколению советских писателей, которые прокладывали пути искусства нового мира — социалистическому искусству. Вы всегда были с народом как его верный сын, как боец коммунистической партии.

Ваша талантливая поэзия, наполненная большой публицистической страстью, всегда служила великому делу строительства новой жизни. Миллионы людей знают Ваши замечательные песни — «По военной дороге...», «Чапаевская», «Песня смельчак» и многие другие. В годы Великой Отечественной войны всей силой своего таланта Вы, солдат и поэт, звали на подвиг во имя счастья Родины, ее коммунистического будущего. Глубоко возмужавшая бойцов фронта и тыла Ваша задушевная лирическая песня «В землянке», ставшая поистине народной песней.

В послевоенное время Вы неутомимо и страстно отстаиваете идеи мира и единства трудящихся в борьбе против угрозы поджигательной войны. Ваши книги «Миру-мир!», «Восток и Запад» проникнуты духом пролетарского интернационализма, пафосом утверждения коммунизма, духом дружбы народов и торжества мира.

Долгие десятилетия Вы принимали активное участие в общественно-политической жизни, последовательно отстаивая ленинский принцип партийности нашей литературы. Вы, поэт-коммунист, всегда находите нужные, идущие от сердца слова, которые помогают сплачивать литераторов вокруг Коммунистической партии Советского Союза.

Литературная общественность глубоко ценит и уважает Вас, одного из бесценных руководителей Союза писателей СССР, опытного редактора его различных печатных органов, известного в стране государственного и партийного деятеля.

Сердечно обнимаем Вас, дорогой Алексей Александрович, еще раз желаем Вам крепкого здоровья и новых успехов в Вашей яркой творческой и общественной деятельности.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЯ СУРКОВА А. А. ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

В связи с шестидесятилетием со дня рождения писателя Суркова А. А. и отмечая его выдающиеся заслуги в развитии советской литературы, награждать тов. Суркова Алексея Александровича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ
МОСКВА, КРЕМЛЬ. 13 октября 1959 г.

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМЫ КРИТИКИ

КОГДА в речи на III съезде писателей СССР Н. С. Хрущев говорил о роли критики в дальнейшем подъеме советской литературы, все мы — и писатели, и критики — с полным пониманием и сочувствием отозвались на его слова.

«Если это подлинная литературная критика», — сказал Никита Сергеевич, — то для нас святые и братские указания литературного произведения. Она должна заботиться о главном — об идеальном и художественном достоинстве литературного произведения. Установлена на высокую, непримиримую принципиальность и общий тон, «температура» речи Н. С. Хрущева, призывавшая решать литературные вопросы «по-товарищески», произвела на всех нас воодушевляющее впечатление.

Съезд «зарядил» советских литераторов для серьезной творческой работы во имя указанной Центральным Комитетом партии цели: создать «великое искусство коммунизма — искусство больших мыслей, горячих чувств и высоких страстей, искусство, способное вдохновлять миллионы и миллионы строителей коммунизма на новые большие дела». Это — не красивые слова, не громкая декларация, а практическая боевая задача. Чтобы ее осуществить, надо действовать. При этом многое надо осудить, перестроить в литературной жизни, в писательском обиходе. И, что немаловажно, приступить к конкретному рассмотрению назревших литературных проблем — проблем критики в том числе. Так понимаем мы смысл ведущейся на страницах «Литературной газеты» дискуссии.

ЧЕСТЬ БОЙЦА

А. ГУДАИТС-ГУЗЯВИЧУС

Писатель С. С. Смирнов первым выступил с изложением своих мыслей о характере, судьбах и задачах нашей критики. Начинать разговор — и заманчиво, и трудно. Нужна решительность, не боясь сказать, смело: ведь задаются острейшие, животрепещущие, волнующие вопросы. Тот, кто сделал первый шаг в деле, важном для всех, достоин уважения. Это отнюдь не означает, что «Заметки о критике» безупречны. Наоборот, по некоторым вопросам хочется поспорить с автором. Да ведь для этого, собственно, и задаются творческие дискуссии. Возможно, сам «зачинщик» в процессе обсуждения о многом задумается, кое-что переосмыслит, пересмотрит, какие-то серьезные упреки примет и уже в качестве главного редактора «Литературной газеты» — ему и карты в руки — сможет пожеланиям, суждениям и мыслям товарищей воплотиться в живой литературной практике.

Нельзя не заметить, что в последнее время «Литературная газета» ищет новые, свежие формы преподнесения материала, стремится к яркой, своеобразной, интересной манере изложения. Ищет и находит. Но не всегда. Иные броские заголовки, вроде «Глобус» и «карта-двушестерка», или восклицания, вроде «художественного открытия», по поводу образа Кушлы, удивляют, но не убеждают. Нам кажется, что и С. Смирнов в какой-то мере стал жертвой этого представления об ин-

тересном, начав серьезный разговор о проблемах критики с жалостного «важно-важно» эпизода.

Болезненная чувствительность — сфера медицины. Литература и критика, понимаемые как форма общественной деятельности, не могут рассматриваться с учетом реакции людей мякотью и слабым духом.

Вступительная зарисовка увела С. Смирнова на путь рассуждений, которые я рискну назвать «прикладными», второстепенными. Решать проблемы критики без утверждения, в первую голову, ее партийного, боевого, наступательного духа невозможно. Мало признать коммунистическую партию верным компасом. Ведь и верный компас в безволновых, нерешительных, бездейственных руках не может довести до цели. С. Смирнов почему-то счел школярством развивать разговор о принципе партийности как об «общезвестной и несомненной» истине. Конечно, обязательные перечисления и питательные заклинания — школярство. Но ведь речь не об этом. Сколько мы читали путных, конъюнктурных статей, где были и цитаты, и ссылки и — ни грама партийности? А что такое представляли собою перечисленные С. Смирновым отрицательные явления литературной жизни, как не следствием отступлений от принципов коммунистической партийности, от ленинских норм? И если мы хотим навсегда изгнать всякую возможность таких ненор-

мальных явлений, если хотим поднять авторитет нашей критики, — о боевой коммунистической партийности должно говорить в первую очередь. Пусть она пронизывает каждую критическую статью, определяет каждое критическое суждение, — как в статьях Ленина о литературе, как в лучших работах критиков-большевиков Борозинского, Луначарского, Ольминского. Последовательный подход к литературе с принципиальных позиций боевой коммунистической партийности — единственное, что наиболее исключает всякую субъективизм, групповщину, личные соображения немелкого полета. Разве не об этом вел речь Н. С. Хрущев на III съезде писателей СССР?

В статье С. Смирнова, на мой взгляд, явно ощущается «перекос» в сторону воспоминаний о прошлом периоде. А нам нужно сейчас не только разбираться в прошедшем, но больше и конкретнее заботиться о современности и, стало быть, о перспективах будущего.

(Окончание на 3-й стр.)

«...СЕГОДНЯ УРОК СЛОВЕСНОСТИ!»

Д ОЛЖНО БЫТЬ, НЕВОЗМОЖНО! Но найти культурного человека, который бы равнодушно отнесся к перестройке всей работы средней школы и, в частности, к такому событию, как переход на новые программы.

В течение многих лет в печати подвигались основательной критике учебники, программы по литературе и сама методика преподавания литературы; настойчиво выдвигалось требование улучшить преподавание этого предмета в школе, вести литературу так, чтобы пробудить у школьников любовь к прекрасному, развить эстетические чувства.

И вот — новая программа. С волнением открываем «Объяснительную записку» к проекту программы по литературе IX—XI классов средней общеобразовательной школы, составленной в 1959 году Институтом методов обучения Академии педагогических наук РСФСР. Читаем: «... надо приучать школьников к сознательному восприятию каждого художественного произведения, раскрывая перед ними идейное богатство, самобытность и своеобразие русской литературы и искусства... Эти задачи могут быть выполнены при условии изучения литературы в ее специфиче как искусства слова, на основе целостного изучения идейного содержания и художественной формы произведения в их единстве».

Да, это то самое, чего много лет не хватало школе! Вы испытываете искреннюю радость.

Но, увы, по мере ознакомления с самим «Проектом» ваив овладевает сначала недоумение, а затем и горькое разочарование. В конце концов создается впечатление, что вся «Объяснительная записка» — всего лишь красивая декларация, общие слова и добрые пожелания. В чем же дело? Попробуем разобраться.

Литература в старших классах средней школы по новой программе — это историко-хронологический курс, в котором сообщаются сведения из истории русской и советской литературы, из литератур народов СССР и о некоторых зарубежных писателях. В какой мере права авторы новой школьной программы, составляя огромный обзорно-лекционный курс литературы, подкажет жизнь, но и сейчас уже хочется обратить внимание общественности на преобладание обзоров над текстовальным изучением самих художественных произведений.

Из 117 часов, по существу, в IX классе на «текстуальное» изучение отведено лишь 12 часов — это «Горе от ума» Грибоедова, а весь остальной курс в этом классе читается в основном обзорно или полубюро, следовательно, лекционно. Ученик обязан лишь слушать, а учитель — каждый урок будет читать лекцию о новых писателях и о новых произведениях.

Ну, а Пушкин? Неужели... это самое... «бюро» или «полубюро»? Полубюро. На Пушкина отводится 24 часа. Времени как будто не мало, но в программе перечислены многие произведения поэта. Почти все 24 часа уйдут на изучение «Евгения

Онегина» и «Бориса Годунова». А когда же знакомить учащихся с лирикой Пушкина, его прозой, «Маленькими трагедиями», поэмами «Медный всадник» и «Полтава», двумя статьями Белинского о творчестве Пушкина? Тут лекционный метод неизбежен.

На зарубежную литературу в XI классе отводится 12 часов, а надо рассказать об одиннадцати писателях — вот их список: Гомер, Эсхил, Шекспир, Сервантес, Мольер, Гете, Байрон, Бальзак, Р. Роллан, Лу Синь, Рабиндранат Тагор.

Только методом «информационного сообщения» можно поставить в известность учащихся о том, что поименованные выше поэты и писатели существовали на земле. «Телеграфный стиль» изложения, как прием отращения от литературы и искусства, сами требования программы обеспечены. Каким бы одавленным ни был учитель, он не может своим перекосом произведений заменить писателей.

Хочется еще раз подчеркнуть — по ложений в основу программы метод исторического подхода к явлениям литературы сам по себе не вызывает сомнений, но дело в том, что авторы программы решили «объять необъятное»; вот и получилось — они скользят по поверхности литературы, захватывают ее курс безмерно широко, а в результате такая информация по поводу литературы может лишь приучить молодежь к верхоглядству, к легкомысленному отношению к предмету: «коснуться до всего слегка, с ученым видом знатока».

Приходится еще и еще раз повторить — учащиеся средней школы надо вооружить сначала фактами литературы, дать почувствовать общее слово писателя, очарование и силу лучших произведений нашей литературы.

Программа строится так: изучение содержания некоторых произведений, усвоение основ литературной науки и развитие речи.

И если эти три принципа в программе все-таки имеются (о том, как сложно их претворить в практику преподавания, мы уже говорили), то четвертый — не менее важный — эстетический, составляющий специфику литературы как вида искусства, не нашел отражения в программе. О нем лишь декларативно сказано в «Объяснительной записке»!

Нашлось время и для древней литературы, и для множества вступительных «лекций по истории (которые, на наш взгляд, можно было бы сократить), а вот тема: художественная литература как вид искусства — авторами программы отведено всего лишь два часа. Отдельные приписки из основ поэтики после прохождения больших тем не спасают положения. Во-первых, странно, в программе средней школы элементы поэтики громко называются «теорией литературы», а в вузе — «Введением в литературоведение»; во-вторых, сведения из основ поэтики хаотичны, без всякой системы, разбросаны по всей программе; в-третьих, например композиция, лирические отступления, прикрасы — лишь к одному определенному произведению, что, бесспорно, приведет ученика к ложному пониманию основ литературы. Почему бы не вооружить учащихся IX—XI классов твердыми знаниями основ поэтики и эстетики в систематическом, целостном изложении? Тогда бы Гомер занял свое место как родоначальник эпоса, Мольер, Фоминизм — классической комедии, а главные понятия из теории поэтики можно было бы показать в историческом развитии: от возникновения до нашей современной литературы.

Составители программы положили в основу преподавания литературы — историко-литературный принцип, забыв об идейно-эстетическом. И это неизбежно привело (о чем великолепно свидетельствует сама программа) к тому, что литература становится упрощенной иллюстрацией истории. И невольно думаешь: если «внедрить» эти программы, то едва ли наш современник, юноша с такой любовью и нежностью будет вспоминать уроки литературы, как гимназист, изображенный в «Истории моего современника» В. Г. Короленко: «Каждый урок словесности являлся светлым промежутком на тусклом фоне обязательной гимназической рутинной, часом отдыха, наслаждения, неожиданных и ярких впечатлений. Частенько даже по утрам просыпался с ощущением какой-то радости. А это сегодня урок словесности!»

А нам, в советской школе, сделать надо так, чтобы и на ярком фоне рабочих будней нашей школы урок литературы был подлинным праздником!

СХЕМА программы по литературе для IX—XI классов опубликована в журнале «Литература в школе» № 2 за 1959 год и обсуждалась в Институте методов обучения с привлечением преподавателей вузов и учителей школ РСФСР, в Институте мировой литературы имени М. Горького, в Ленинграде, Куйбышеве и других городах. Характерно, что большое количество практических предложений учителей средней школы не было учтено и не попало в «Проект программы», который выпущен Министерством просвещения РСФСР и Академией педагогических наук РСФСР специально для обсуждения.

Теперь начнется это время. В обсуждении проекта школьных программ по литературе принимают участие самые широкие круги общественности: учителя, учащиеся школ, родители, преподаватели вузов, методисты. И конечно же, особенно интересно и важно мнение писателей. А ведь из них еще никто не сказал своего слова о новых школьных программах по литературе.

Н. БУРЛАКОВ, доцент,
М. УМАНСКАЯ, преподаватель литературы

О «старых» подписчиках

Читатель, которому пришлось по душе какая-то газета или журнал, всегда стремится вновь выпустить эти издания. Но все дело в том, что старые подписчики не могут по своим фактическим условиям подписаться на новые издания. В конце года любая подписка автоматически прекращается, и мы снова вынуждены участвовать в подписной «лотерее», исход которой предсказать невозможно.

Почему меня (да и одного ли меня) ежегодно лишают права получать любимые и привычные издания? Ведь в середине года, если есть подписка на три месяца или на полгода, ее можно продлить. А как поступить человеку, если он желает читать то, что он подписывался много лет подряд? Неужели такое стремление незаконно? Да пусть читатель не здоровеет и не стареет, а живет! И двадцать!

Я сам испытал все эти беды: выписывал «Комсомольскую правду» — потерял подписку, выписывал «Технику» — молодость — тоже потерял. Удалось подписаться на журнал «Юный техник»; только привлек к этому журналу, полюбил его — и вновь грустное расставание.

Я глубоко убежден в том, что постоянных подписчиков надо беречь. Это люди, кото-

рые год от года растут, повышают свою культуру. Для газет и журналов это — старые друзья и задушевные собеседники, понимающие все с полуслова. И потому, заботясь о том, чтобы с каждым годом было все больше новых подписчиков, надо вместе с тем думать и о старых кадрах. Может быть, даже стоило бы давать премии «юбилярам», которые отмечают десятилетие или другую круглую дату своей дружбы с газетой или журналом. Но уж во всяком случае терять этих людей нельзя.

Нам, подписчикам, кажется, что, каков бы ни был лимит, если у человека имеется квитанция о годовой подписке, то надо дать ему право выпустить данное издание и на следующий год. Может быть, стоит установить сроки возобновления старой подписки. Если в назначенное время подписчик не явится, он потеряет свое право на продолжение подписки.

Дорогая редакция, помогите решить этот вопрос. На наш взгляд, он очень и очень важен. Стареть никто не хочет, а вот быть старыми подписчиками многие согласились бы с радостью.

Ю. РЫЖОВ
г. ГОРЬКИЙ

На пороге новой квартиры...

— Не надо ли поставить замочек?
— Выполнили всякие монтерские работы!
— Кому вставлять стекла!
— Табуретки имеются!

Так у подвездов многих домов нередко встречаются новоселов подозрительные лица — халтурщики, как называют их в народе. И это не случайно: как только новосел въезжает в новую квартиру, на его сразу сваливается множество непредвиденных работ: от замка французский надо врезать, то радио провести, то телевизор установить, то шпатель в удобном месте укрепить. Да и строители частенько оставляют после себя мелкие недо-

делки. Начинается беготня по разным магазинам и мастерским, не все нужные вещи сразу достанешь, а если достанешь, возникает новая трудность. Купил, к примеру, замок, а где мастера найти! Этим и пользуются халтурщики. Думается, что в районах новостроек следует создать небольшие комплексные конторы по обслуживанию жильцов. Такие конторы должны принимать заказы на столярные работы, электро- и радиопроводку и т. д. За это будут благодарны тысячи семей, получающих новые квартиры во всех городах Советского Союза.

В. БАЛАНСКИЙ
ЛЕНИНГРАД

Кто поможет любящим искусство?

УНИВЕРСИТЕТЫ культуры завоевывают все большую и большую популярность в народе. Но они могут только пробудить интерес к живописи и музыке. Для того, чтобы более глубоко проникнуть в мир искусства, необходима серьезная работа над собой.

Нам, рядовым любителям искусства, очень часто не хватает умения «видеть» картину, понять всю глубину ее содержания. В этом прежде всего должна помочь книга. Я сам серьезно заинтересовался творчеством художников после произведений К. Паустовского «Исаак Левитан» и «Золотая роза». Но таких увлекательных книг у нас издается, к сожалению, мало.

Красочные альбомы репродукций, книги, рассчитанные на массового читателя, не заменяются на прилавках магазинов. Например, книгу С. Пророкова «Репина», альбом репродукций картин И. Левитана я не мог найти ни в московских, ни в киевских магазинах. Может, такая литература есть в библиотеках? В городских, вероятно, есть, а вот в сельских почти ничего нет.

Проводя отпуск в одном из районов Киевской области, я заинтересовался, что читают о живописи ребята. Оказалось, что они довольствуются газетными статьями и репродукциями из журналов. Даже в районной библиотеке почти совсем нет книг по искусству.

Мне могут возразить, что, мол, существует специальное издательство «Искусство», которое должно популяризировать такую литературу. Верно, это издательство выпускает немало литературы по истории искусства, но большая ее часть не доходит до основной массы читателей. Причины? Небольшие тиражи и, очевидно, вследствие этого — высокие цены.

В самом деле, цена некоторых книг по искусству достигает 60 рублей, а, например, двухтомная монография Алпатова о творчестве художника А. Иванова стоит более 100 рублей. Безусловно, такая работа носит специальный характер и на широкий круг читателей не рассчитана.

Нам нужна массовая, популярная, дешевая серия книг по вопросам искусства. Над этим следует задуматься издательству «Искусство».

В. ХИДЧЕНКО, инженер-геофизик

поселок АРКАДИЙ, Куйбышевская область

Цехи Ленинграда

ВЛАДИМИР Машков

— руководителем комсомольско-молодежной бригады коммунистического труда на заводе имени Жданова. По его инициативе на предприятиях Ленинграда развернулась борьба за культуру производства, за чистоту и порядок у станка. И вот он, родной завод Машкова. Поскуча деревья, чистые асфальтовые дорожки.

Партгор инструментального цеха Иван Ляпухов рассказывает:

«Чистота и порядок в цехах, где мы проводим значительную часть своей жизни, — это прежде всего забота о человеке, о его здоровье. На фотографии вы видите этот цех, выпускающий пальчиковые радиолампы для телевизоров, счетных и многих других машин. Здесь 98 процентов рабочих имеют среднее образование, 25 процентов из них учатся в институтах и техникумах.

На втором снимке — цех карбюраторного завода имени Куйбышева. Здесь учится пятая часть рабочих. И эта тяга к знаниям дала возможность заводу каждый год увеличивать выпуск продукции за счет смелого освоения всего нового и прогрессивного, что появляется в научных и заводских лабораториях. Дитя под давлением, электронический метод, автоматизация линии, ультразвуковая проверка деталей — вот далеко не полный перечень последних нововведений завода. Фото М. Трахмана

Жизнь трагическая и прекрасная

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОСТА ХЕТАГУРОВА)

У ИСТОКОВ культуры почти каждого народа стоит универсальная личность.

Таким был Коста Хетагуров, классик осетинской литературы. Томик его стихов украсит любую книжную полку. У Коста есть стихотворение о матери голодных детей, которые засыпают, не дожидаясь еды:

И легко им стало
В мире светлых грез.
Мать лишь
не сдержала
Затанных слез.

Твердость изменила,
Страшно стало ей...
Ведь она варила
Камни для детей.

В. ХИДЧЕНКО, инженер-геофизик

поселок АРКАДИЙ, Куйбышевская область

Рис. Н. Павлова

Такие стихи зовут к мужеству. За их суровой, чеканной простотой — столько боли и гнева, сколько может вместить лишь сердце подлинно народного великого поэта. «Пускай не знает покоя творец!» Эти трепетные строки — его голос... «Ночь близится к концу... повсюду бьют тревогу, уж брезжит луч зари, играя на штыках». Это голос революционера.

Коста — трибун и революционер не только в поэзии. Он — первый публицист и общественный деятель Осетии. Он первый поднял голос в защиту народного образования. Он занимался и устройством концертов, и организацией художественных выставок.

Жизнь Коста — преодоление трагедии. На него покушались охранка. Нескольким раз его ссылали. В юности он работал на Неве грузчиком, чтобы платить за учебу в Академии художеств. Он постоянно вынужден был бороться за кусок хлеба, и женщина, которую он любил всю жизнь, ответила отказом на его предложение. Он умер скоро семилет. Судьба его не менее трагична, чем судьба Лермонтова и Пелеяева.

Шестидесять лет назад Коста жил в Херсоне в ссылке. Отсюда он писал письма Ю. Целиковой, сестре женщины, которую он любил. Писал о слабых и неуверенных, которые без малейшего сопротивления подчиняются деспотизму случайностей, отдаются во власть этой силы, олицетворяющей «все», что только есть мерзвостей в жизни. Люди же стойкие и сопротивляющиеся «являются обыкновенно выразителями и теориями всевозможных великих нравственных идей и учений... Их зачисляют в разряд революционеров, и кто из завети, кто из лести, мести и страха потерю сокровищ, наполненных вековым рабством, обманом, грабежом и насилием, — прилагает все старания, чтобы скорее сломать их дерзкое неповиновение».

Это дерзкое неповиновение давалось нелегкой ценой... Где личной жизни нет, где гаснет вера в счастье, Там горе ближнего, страдания его Не встретят отклика, не вызовут участия, Там холодно, темно, там чудно все... всего...

Когда Коста уже был автором «Осетинских лири» и сборника стихов на русском языке, когда о нем сложили народную песню, авторы которой были арестованы, когда его имя приобрело всероссийскую известность благодаря опубликованной в Петербурге весной 1899 года знаменитой статье «Неурядицы Северного Кавказа», поэт, больной, без гроша, лежал в Херсоне.

И здесь появляется один из замечательных документов человеческой негибкости:

«...Я перенес столько моральных и физических страданий, которые могли не только на время, но и навсегда, атрофировать в самой крепкой натуре способность всякой деятельности... Как состоящего под надзором полиции, меня не могут принять ни в какое правительственное учреждение, я не могу заниматься уроками, не могу быть ни в каких общественных... собраниях... И если... в это время не найду работы — придется положить зубы на полку или поступить «названночным» — пользоваться арестантским столом... Когда способное к деятельности и мыслящее существо посредством возмущения гнетом насилия и произвола лишается господствующими каннибалами всякой возможности применения разумных сил и энергии, то это уже всякой пытки, тюрьмы, каторги и, может быть, даже самой смерти на виселище...»

И в таких условиях Коста создавал новые стихи, боролся, добивался освобождения. Однажды ночью, когда он писал письмо А. Целиковой, к нему в дверь постучали. Это была весть об окончании его ссылки.

А назавтра он посылал на Кавказ письмо, переполненное радостью: «...Я пойду к памятнику Лермонтова и продолжительно стихотворение, которое я написал на его открытие. Оно не было напечатано...»

Вот стихотворение, о котором говорит Коста в своем письме:

Торжествуй, дорогая отчизна моя,
И забудь вековые невозды...
Воспряни сокровенная дума твоя,
Вот предвещник желанной свободы!...

Это письмо было написано в первый день XX века...

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ГОМЕОПАТИЯ?

Более восьми лет прошло с тех пор, как со страниц «Литературной газеты» Министерство здравоохранения СССР был задан вопрос: «Что же такое гомеопатия?». Статья Марка Поповского под таким заголовком, опубликованная в марте 1951 года, не осталась без ответа. Дважды по инициативе газеты коллегия министерства обсуждала этот вопрос, интересующий не только десятков врачей-гомеопатов, но и сотни тысяч больных — пациентов гомеопатических поликлиник.

Плохо ли, хорошо ли, но, по решению этих коллегий, дважды на различные сроки в больницы Москвы и Ленинграда проводилось испытание гомеопатических методов лечения. Гомеопатические поликлиники в Москве перебрались в новые, более просторные помещения. Это позволило им значительно расширить прием больных.

Однако публикуемое сегодня письмо, подписанное руководителями двух крупнейших в стране гомеопатических поликлиник, убеждает, что с гомеопатией далеко не все благополучно, что на заданный восемь лет назад вопрос Министерство здравоохранения не дало пока ясного ответа.

Указания о предоставлении врачам-гомеопатам условий для публикации научных трудов, равных со всеми врачами, не выполняются. Труды ме-

МНОГИЕ годы в Москве и других городах нашей страны существуют государственные гомеопатические поликлиники. Работают здесь врачи-гомеопаты используют общезвестные лечебные средства и методы, деятельность их разрешена и регламентирована приказами Министерства здравоохранения. Тем не менее, медики-гомеопаты, в отличие от остальных врачей, не имеют самых элементарных условий для развития своей науки, для углубления своих знаний. У Министерства здравоохранения СССР и Академии медицинских наук они находятся в положении камишек-то пасынков.

Никто не обобщает и не анализирует работы коллектива врачей-гомеопатических поликлиник. Эти поликлиники никак не связаны с клиниками лабораториями Академии медицинских наук. Известно, что развитие всякой науки, всякого метода возможно лишь в общении, в обмене опытом как в научных областях, так и на страницах прессы. Однако гомеопаты лишены всего этого. У нас нет своего научного общества, нет изданий. Больше того, наши рукописи, как правило, возвращаются из редакций специальных журналов без всякого объяснения только потому, что они написаны рукой врачей-гомеопатов.

диком этого направления по-прежнему не допускаются на страницы специальных журналов и газет. Больше того, издание подготовленного к печати (по решению коллегий министерств) и уже набранного «Гомеопатического терапевтического справочника» недавно полностью прекращено. При этом работников Медицинского издательства не оставило ни то, что уже год тысячи людей присылают в редакцию медицинской книги просьбы выслать апосированный «Справочник», ни то обстоятельство, что само изда-

РЕДАКЦИЮ

В свое время «Литературная газета» выступала с протестом против неестественного положения с гомеопатами. По следам этих выступлений Министерство здравоохранения СССР приняло ряд правильных решений о том, чтобы гомеопатические средства были глубоко изучены, чтобы труды гомеопатов публиковались, и т. д. Однако решения эти так и остались на бумаге.

Популярность гомеопатического метода лечения непрерывно возрастает. С каждым годом все больше больных обращается за помощью в наши поликлиники и аптеки. Такая популярность накладывает на нас, врачей-гомеопатов, большую ответственность. Как и всякий метод лечения, гомеопатия должна развиваться, должна получить свое научное обоснование. А это возможно лишь в том случае, если Министерство здравоохранения СССР и Академия медицинских наук откажутся от политики игнорирования большого коллектива советских врачей-гомеопатов.

Н. А. ПРЯДИН, главный врач гомеопатической поликлиники УИЛ. М. ГОРЬКОВ, главный врач гомеопатической поликлиники Мосблздравотдела

Таков итог восьмилетних разговоров вокруг гомеопатии.

«Литературная газета» не ставит своей целью отстаивать принципы гомеопатического лечения. Вопрос о ценности той или иной лечебной системы должен разрешаться экспериментом, испытанием, строго научной проверкой. Но условия для такого научного анализа у врачей-гомеопатов нет. В результате продолжается все то же двусмысленное положение, которое мы отмечаем восемь лет назад. Как и тогда, гомеопатия остается областью врачевания, «оторванная от физиоло-

Хорошее дело задушили пионеры сельской школы селхозартели «Путь к коммунизму» Закавказского района. Бурятской АССР. Они решили в свободное от учебы время доставить животноводцам на отдаленные пастбища свежую почту, книги, газеты и журналы. Из с ними и на пионер. на Чырдынулла Дилмаева собираются в путь. Фото Э. Брюханенко

ИЗЫМ МОЙ — ВРАГ МОЙ

Так говорит половец. Так могут сказать и некоторые литераторы, по небрежности или невежеству калечащие русскую речь.

«Я до сих пор не могу забыть еще один подводный камень, о который ступил корабль нашей дружбы, получив при этом изрядную пробоину».

«...Слова, идущие прямо из пыльного оскорбленного сердца, так и сыпались с ее уст».

«...Каждая ее слеза каплей расплавленной смолы падала мне на сердце».

(Н. Волков. «Не дрегнет рукою». Красноярск.)

«В его мозгу вспыхнули оранжевые искры, из носа закапала кровь, из глаз — слезы».

(В. Мильчанов. «Тяжки шадить». Ташкент.)

«Изобразив на лице разочарование, которое можно было легко приписать отсутствию свободных мест, он покинул террасу».

(В. Чибиков. «Тайна «Солониды». Смоленск.)

Журналы в октябре

«ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Вышедший на днях номер журнала в значительной своей части посвящен десятилетию Китайской Народной Республики и десятой годовщине ГДР. Он открываете стихами Ша Оу «Письма со стройки». Читатели ознакомятся с литературным наследием китайского народа — таинскими новеллами и образцами классической поэзии. Дается также подборка высказываний зарубежных друзей о литературе Китая, статьи китайского посла в СССР Лю Сю о советско-китайских культурных связях.

В числе материалов, посвященных десятилетию ГДР, — воспоминания участника немецкого антифашистского подполья, рассказ Б. Зегера «Семья Тауригеля» и «Валлада о любви» В. Гершфельда.

Журнал знакомит с неизвестными страницами из книг Романа Роллана «Путешествие в духовный мир» и «Воспоминания и отрывки из дневника».

Продолжается печатание романа Э. Ремарка «Триумфальная арка».

«НЕВА»

Основное место в октябрьской книжке «Невы» занимают материалы, посвященные десятилетию театра имени Руставели в частности, пишет Д. Алексидзе в своей статье «Искусство вечно живо». Е. Старикевич выступает с рецензией на три премьеры киевского театра русской драмы имени Л. Украинки. Е. Полякова — на спектакль «Маленькие трагедии» Пушкина в театре имени Евг. Вахтангова. О. Грудцова — с заметками об эстраде. И. Борисова пишет о молодом актере Казахского академического театра драмы Н. Жантурине. В. Григорьев — о театральных художниках Т. Гусевой и В. Зайцевой. В «Творческой трибуне» — статьи С. Кочаряна «В поисках живого слова» и Б. Емельянова «Нужен ли театру залит?» В номере напечатаны начало «Воспоминаний и размышлений» А. Попова, публикация А. Зиса «Станиславский конспектирует», Л. Прокопенко «Первая постановка «Маскарада» и другие материалы.

«ТЕАТР»

Сатирической комедией Огара Чиджавадзе «Крот» начинается октябрьская

литературный восторг перед красотой природы, перед тайнами мироздания — все было нужно душе, все необходимо. И все это я находил в стихах Алексея Кольцова.

А разве душе нынешнего читателя меньше надо?

Вероятно, следует благодарить судьбу, когда она в доверчивые руки школьника, тянущегося к поэзии, вкладывает в числе первых даров своих книгу такого поэта, как Кольцов. Конечно, если этот школьник сам начнет писать. И сколько бы потом ни пытались увлечь его за собой другие, настоящие поэты, — все равно, здоровые начала, восприимчивые к детству, должны взять верх над громкой фальшью, он устоит на ногах, выправится и поймет, наконец, каким должно быть подлинное служение народу в поэзии.

Лирика Кольцова и поэзия оказывают благотворное влияние на формирование любого творческого дарования, любого поэтического характера. Наследие Кольцова полно благородной человечности, сердечной добротой к людям, уважения и любви к простому труженику на земле. Поэт не приемлет несправедливости и неправды, в какой бы форме они ни проявлялись.

Будь добродетелен душою. Велик и зыгнен — простотой...

— обращается он к наказом в стихотворении «Маленькому брагу» —

Пробудись струны: мой без лести! Будь неподкупен в деле чести...

Поэзия Кольцова — добрая поэзия, это поэзия подлинного гуманизма. Она — образец такой моральной чистоты и искренности, такой душевной распахнутости, доверия и внимания к личному герою, к его внутренней жизни, какого достигали редкие поэты.

«Жгучим чувством личности» называл Салтыков-Щедрин это качество кольцовской поэзии.

Душевный мир человека всегда был основой лирической поэзии. Без человека нет поэзии, нет литературы. Человеческая несправедливость в искусстве — это фашизм, это вырождение искусства. Любовь к человеку, вера в великое предназначение своего народа, глубокое сочувствие к его горестям и бедам, страдание за трудовой народ — главное в традициях русской демократической поэзии.

Советская поэзия приняла эти традиции и обязана в новом качестве продолжать и развивать их.

У Кольцова есть «Песни», но есть и «Размышления», и «Думы». А как нужны нашей поэзии умные, глубокие «думы» о современности! Подчас нашим стихам еще не хватает лирической философии, размышлений о жизни, открывания души. Не надо умалять значение своих переживаний. Кому, как не нам, людям нового мира, должно быть присуще «жгучее чувство личности».

Душу свою надо вложить в поэзию, чтобы завоевать душу читателя. Любовь к человеку предполагает и борьбу за него. Служить народу — значит служить человеку. Поэзия должна делать добро людям.

Александр ЯШИН

Воронеж с к о е книжном издательстве отметили 150-летие со дня рождения великого земляка А. В. Кольцова выпускником книги «Маленькие трагедии» Пушкина, в которой собраны все произведения поэта, включая его последние стихи. В книгу вошли также воспоминания и статьи Пушкина, Белинского, Герцена, Тургенева, Анненкова, Панаева, Мочалова и других деятелей русской литературы и искусства. Это первый опыт издания меценатских свидетельств об А. В. Кольцове.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Следя за современной критикой, поневоле согласишься с И. Киселевым, который говорит о недостаточной боевистости критики.

Так обстоит дело и в Литве. Группы квалифицированных литературоведов углубились в историю-литературные проблемы и почти не появлялись на арене современной литературы. Развернутой, убедительной аргументированной рецензией — редкая гостья в журнале «Пярнале», в газете «Литература ир мянас». О большой проблемности критической статьи и говорить не приходится. Бывает и так, что новое произведение ждет не дожидается серьезного критического разбора, вокруг него собираются попойки «на слух» суждения, пока не установится некое «каноническое» мнение. И все — от робости, неуверенности, пассивности критической мысли.

Активизация; боевистость критики — высветит от развития дискуссий, творческих обсуждений — это общепризнано. С. Смирнов хорошо выразился, что обмен мнений необходим литературе, «как кровообращение для живого организма».

Творческие обсуждения мыслятся мне, как заинтересованный, серьезный профессиональный разговор без всякой предвзятости. В одном нет никакого сомнения: он ведется на общей для всех участников идейной платформе. Я слышал, что именно так проходило обсуждение творчества молодого писателя В. Эглона в Союзе писателей Латвии. Подавляющее большинство литераторов выступило против чуждых идейных тенденций в повести Эглона «Белая линия», против его смехотворных претензий индивидуалиста-одиночки, пренебрегающего общественным мнением.

Понятно, какой интерес вызывают «общесоюзные» литературные дискуссии на страницах печати. К сожалению, в них мало участвуют писатели и критики из разных республик. Можно только приветствовать появление в «Литературной газете» статей Б. Кербаса, С. Агабабяна, Мехти Гусейна, Ионаса Авижюса и других. Но дискуссии порою делятся, разгораются более или менее ярким пламенем и вдруг «ухватят и поют». Угасает без всяких четких редакционных выводов, без коных оценок, оставляя по себе недовольство и недоумение. Какая же реальная польза от дискуссий, еле-еле сползающих «от случая к случаю» и завершающихся знаком вопроса? Безднейственные беседы «о том, о сем», — а такую споры без выводов, — критическую мысль вперед не подвинут.

Отмечая бросившиеся в глаза недостатки статьи С. Смирнова (естественно, я не собираюсь претендовать на какую-то всеобъемлющую ее критику), хочу в полный голос сказать о том, что я безусловно разделяю, что, по-моему, является большим достоинством «Заметок». Это — благородная забота советского литературного деятеля о создании товарищеской, истинно дружеской творческой атмосферы во взаимоотношениях писателей и критики.

Нет сомнения, что формула С. Смирнова: хорошая критика — острый исследователь, умный советчик, добрый руководитель и друг нашей большой многонациональной литературы и писателей — верна и справедлива. Так понимали роль передовой критики революционные демократы, так подходили к литературе критики-марксисты, так рассматривали роль критики Горький.

Чехов, непамятный современных ему реакционных и либеральных критиков, от которых «остается во рту вкус ржавчины», точно судит о них не худшими и писателя, а об арестантах, с величайшим уважением говорил о Белинском и Герцене, ибо они «прятались, учили и воспитывали».

А может ли быть лучший пример бережного, заботливого, принципиального отношения к писателю, чем отношение Ленина к Горькому на всех этапах его жизни?

Мне кажется, достаточно ясно, что, говоря о критике-друге, С. Смирнов имел в виду не панибратство или беспринципное притворство, а строго принципиальные отношения единомышленников, боевых товарищей. Но, как оказалось, ясно не всем. Не могу прийти к выводу, что С. Смирнов

ти мимо статьи Е. Серебровской, которая, по-видимому, повела против С. Смирнова атаку «на полное уничтожение». Е. Серебровская выступила под прекрасным девизом «Бойцы остаются бойцами». Приверженность к этому девизу заставила меня особенно внимательно отнестись к ее статье. Я не собираюсь читать отповедь Е. Серебровской, но хочу откровенно сказать, почему ее выступление кажется мне непримлемым именно с позиций боевого товарищества советских писателей. Товарищества, а не притворства!

Есть ли в статье Е. Серебровской правильные утверждения? Безусловно! Может быть, я повторюсь, но здесь повтор необходим. Верно ли, что советская критика должна обладать боевым, наступательным духом, что критики (так же как и писатели, о чем Е. Серебровская, по существу, не говорит, ибо для нее писатели — вроде трудновоспитуемых, которым следует стоять перед критиком только по стойке «смирно») — бойцы идеологического фронта? Да, это наше твердое и непреложное убеждение, неизменная традиция нашей литературы, закон нашей общественно-литературной деятельности.

Но идейная борьба, которую мы ведем, — не беспринципная драчка, не потасовка, не кулачная расправа. Боец в нашем понимании, боец за коммунистические идеалы, должен обладать многими, само собою разумеющимися качествами: принципиальностью, мужеством, честностью, беззаветной преданностью великому делу коммунизма. Облик бойца не полон еще без одного непреложного и характерного свойства: это скромность, совершенное отсутствие «личества» и чванства. Скромность органически слитась с величием Ленина, со временем славного поколения старой большевистской гвардии она навеки присуща ленинцам. Каждый участник революционного движения, каждый рядовой нашей партии на память приведет множество примеров нестяжательного мужества бойцов-коммунистов в сочетании с обязательной скромностью. Не помню, чтобы в годы борьбы с буржуазным господством в Литве, в суровых условиях глубокого подполья, в тюрьмах и концлагерях, устроенных «по лучшим образцам» фашистских застенков, среди коммунистов, чья жизнь была каждодневным — без громких фраз — испытанием веры и стойкости убеждений, встречались бы чванство или самовосхваление.

У Е. Серебровской, отрекомендовавшей себя в числе бойцов, просто поражают нескромный, «яческий» тон. А тон, как известно, делает музыку. И хорошие правильные слова теряются, блекнут, — таковое дурное впечатление от избранной ею поэмы вездесущее, надменное, надменное, превосходством над товарищами — советскими литераторами, шпикетским «взглядом «сыскаю». А на каком, собственно, основании? Счастливо принадлежность к замечательному поколению Аркадия Гайдара, юности прошедшая под знаком зовущего горня — не привилегия, не знак избранничества. У нас, где массовый героизм — норма поведения, где миллионы и миллионы участвовали в суровых сражениях, дрались за Родину с винтовкой и врукопашную, стояли насмерть и не отступая ни на шаг, беспрестанно отдавали жизнь во имя общего дела, — жидковатой похвальной звучат личные «боевые ощущения» Е. Серебровской, ее попытки говорить «от имени поколения». Честь бойца неразрывна со скромностью.

А посмотришь, каким «превосходительным», надменным тоном разговаривает Е. Серебровская с писателем С. Смирновым, словно пытаясь набросить тень на побуждения и даже на личность того, с кем спорит в порядке творческой дискуссии: «Автор «Заметок о критике» — тоже наш современник, он — автор книги о героях, бойцах, судя по которой, вряд ли угадаешь возможность появления названной выше статьи». Чего стоит это «тоже»!

И совсем непонятен темный нарек: «Но, не внимая насмешкам, бойцы остаются бойцами». Кто, где и когда смеялся у нас над бойцами?

По какой же линии идет основной спор Е. Серебровской со статьей С. Смирнова? Казалось бы, Е. Серебровская выступает за боевую критику.

Но пригласимся ближе, и увидим, что она отстаивает право каждого отдельного критика и свое собственное на произнесение безапелляционного, не подлежащего обжалованию критического приговора. Грозно звучит провозглашение монополии на окончательную истину. Можно ли с этим согласиться? Конечно, нет. Не будем говорить о передержках и искажениях мыслей С. Смирнова, которые, и сожалению, допускает Е. Серебровская, забывшая, что добросовестность в критике — понятие «неэлементарное», хотя и элементарное. Укажем лишь на одну неточность: Е. Серебровская настаивает на праве критика «вершить суд над книгой» в противовес С. Смирнову, говорящему о праве «высказывать суждения». Обратимся к Чернышевскому, на статью которого «Об искренности в критике» ссылается Е. Серебровская. Читаем: «Критика есть суждение (подчеркнуто нами. — А. Г.) о достоинствах и недостатках... литературного произведения». На каком же основании Е. Серебровская выставляет С. Смирнова чуть ли не убежденным противником Чернышевского? Разве по старинке, выходящей из употребления поговорке — в борьбе все средства хороши...

В речи на III съезде писателей Н. С. Хрущев сказал: «Что значит литературная критика? Это — оттачивание писательского оружия, глубокий разбор произведения, это — совершенствование мастерства литераторов». Так ставит вопрос партия — «глубокий разбор произведения», а не чиничный единоличное суд. Ссылка еще на одно место в речи Никиты Сергеевича: «творчество должно направлять общественная критика, они (писатели. — А. Г.) должны прислушиваться к ней, снаться с ней, устранять товарищеские дискуссии и обсуждения, выносить на суд общественности свои произведения». Суд общественности — установление, прямо противоположное провозглашаемому Е. Серебровской критическому диктату, — то, с чем искренне согласен каждый советский писатель. И если критик своей высокой идейностью, благородным служением родной литературе, талантом и умом завоевал право говорить от имени общественности, — его суждение будет воспринято, как суд справедливый и нелицеприятный. Конечно, это имел в виду С. Смирнов, утверждая, что не каждый критик имеет право судить от имени народа. Да, не каждый! Перед нами — светлые имена Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Плеханова. Они по праву говорили от имени передовой России, их суждения приобрели силу приговора общественного. Дорога не заказана никому, но не «критическим» высокомерием, не презрительным третинованием писателей достигается авторитет в литературе!

Советская жизнь отмечена благородным духом коллективизма, братского товарищества, высокого взаимного уважения. В этом смысле литературная среда, будем откровенны, не всегда идет в ногу с читательской массой. Заушательский, с размахиванием дубинкой, напоминающий давние времена РАППа метод полемики, продемонстрированный Е. Серебровской, — тому пример.

И, как каждый, кто всеми своими силами стремится выполнить волю партии — поднять нашу литературу на высшую ступень, я вслед за С. Смирновым хочу обратиться к критике с сердечным призывом: быть принципиальным, боевым товарищем, вздумчивым, мудрым другом и советчиком нашей советской литературы!

Вильнюс

бывавшему золотым полем пышущий с синими пятнами васильков? Васильки — васильками. Однако, как трезво заметила Наталия Ковшик, — это сорняк.

А разве в колхозах не поют, не танцуют, не играют на баяне? — могут спросить нас. Конечно, и поют, и танцуют, и веселятся. Но не только. И хотя по крайней мере наивно напоминать эти истинные человеку, выросшему в деревне, как Б. Равенских, такова уж печальная обязанность критика.

Ведь режиссер действительно показывает нам своих любимых героев только в праздник, только в воскресенье, даже если упрямый и прозаический календарь твердит, что сегодня вторник или, положим, пятница.

И пускай себе твердит: у Равенских свой счет. У него, перефразируя известную поговорку, семь воскресений на одной неделе.

Еще бы! Если сегодня «воскресенье», то кто помешает театру обрядить героя в праздничный костюм. И вот лесник Антон является на пороге избы Дарьи Козыревой в целогой черной паре.

Если сегодня «воскресенье», — значит, песни и пляски от зарю до зари. И вот герои спектакля движутся под музыку, поднимаясь ее прихотливому ритму, и даже грустят только в сопровождении хора и оркестра.

А когда приближается кульминация спектакля, когда бледный и обманутый муж Дарьи, сорванный услужливым письмом с экзаменов из города, появляется на гуляние, Антон с демоническим спокойствием берет Дарью за руку... и начинает танцевать с ней танго. Да, он танцует на фоне скромно потупившихся без рез от знойный аргентинский танец, и Дарья в огненно-красном платье с отчужденным, сомнамбулическим взглядом повторяет за ним роковые па. А в голову почему-то лезут строчки из «Золотого теленка»: «Великий комбинатор танцевал танго... Он становился на одно колено, быстро поднимался, поворачивался и, легонько переступая ногами, снова скользил вперед. Невидимые фразы фалды разлетались при неожиданных поворотах... Остан танцевал классическое провинциальное танго, которое исполняли в театрах миниатюр двадцать лет тому назад...»

Так в процессе танго обозначились

происходит

название «Сердце девичье затуманилось...». Почему? Красиво. Кстати, о том, что такое красиво. Вечерняя черная паря — это красиво. Но в театре, в концерте. А не в беззвучном лесу. То же можно сказать о простом красном платье Дарьи на нейловых юбках.

Я помню, как в фильме «Две жизни» по рассказу П. Ильяна «Жучка» героиня, приехавшая после долгого отсутствия в родную деревню, вылезала на подустанке. С подножии сходящая красивая, хорошо одетая городская женщина в изящных туфельках. И в следующее мгновение на деревенской дороге — среди лесов и полей — она становилась смешна на своих нелепых каблуках в модной узенькой обуви.

Может быть, секрет красоты все-таки не в том, чтобы пересаживать фразные фалды на деревенскую улицу, а в том, чтобы искать там свою собственную подлинную красоту?

Равенских помнил об этом, когда ставил «Свадьбу с приданым» Н. Давыдова, и забыл здесь.

Более всего об этом свидетельствует исполнение З. Кириенко роли Дарьи. Киноактриса, еще недавно привлекавшая внимание строгой сдержанностью, задушевностью, искренностью в ролях Натальи Метеховой («Тихий Дон»), Ирины Соколовой («Судьба человека»), Катерины Зарудной («Поэма о море»), здесь поражает (именно поражает!) вы-

чурностью, искусственностью, деланностью каждого жеста, каждой интонации.

Она не ходит, а по воле постановщика передвигается по сцене странной бальной, поступая под музыку, возникающую в оркестре каждый раз, как только появляется Дарья. Она не просто стоит, сидит, лежит — она принимает позы olika «красивее», одна театральнее другой.

И когда театр, желая вернуть Дарью к трудовой жизни, определяет ее на свиномферму, то так и кажется, что ходит она среди свиноматок на цыпочках, стараясь не ступать импортными тапочками в грязь, и чистит поросят, махерно оттопырив свеженаманикюреный мизинчик.

Разве не видит, не чувствует режиссер, что то, что ему представляется «поэзией колхозной деревни», красотой, обращается на деле красиво-пошлостью?

И, может быть, не случайно Б. Равенских в уже упомянутой беседе с восторгом приводит в качестве эстетического идеала введенную им в молодости... «Даму с камелиями» А. Дюма. «Я помню, как... мужчины в антрактах преподносили своим спутникам цветы, яблоки, конфеты. Буфетчицы говорили, что ни на одном спектакле так быстро не раскупались шоколады... И это не случайно: спектакль воспевал красоту человеческих отношений, любовь к женщине, — и мужчинам невольно хотелось быть внимательными к своим любимым, они жаждали их в этот час».

А вот Горький был другого мнения о произведении Дюма-сына. «Пьеса неприятная... в ней все рассчитано на возмущение души жалостью», — писал он.

И если в прежних постановках Б. Равенских желание приукрасить жизнь, тяга к «красивости» проявлялись, так сказать, мимоходом, то в его последней работе они заполнили всю сцену и подавили всякое стремление к правдивости, естественности и простоте.

В жизни мы любим, страдаем, наши печали и радости бывают нежными и красивыми (оставим эту неизбежную красоту на совести корреспондента журнала!), а изображаем мы любовь грубо, примитивно, «попно»,

Это говорит тот самый Б. Равенских, который не так давно поставил «Власть тьмы» Л. Толстого в Малом театре. Ведь если мы с охотой знаем, что он «спас» для нас редкую улавливающую на сцене драму Л. Толстого, то справедливость требует, с другой стороны, признать, что именно Толстой своим земным, «грубым» и «потным» изображением жизни «спас» Б. Равенских от безудержной сусальности, свойственной его последней работе.

Режиссер опасается, не хочет взглянуть в лицо действительности — не дай бог, натолкнется на что-нибудь неприятное, неэстетичное.

«Проще всего, — объясняет он, — конечно, сказать: у нас жизнь трудная, но красивая: ваял, и ображал ее так, как она есть, — и все в порядке... А затем тащить на сцену все подряд — трудности, обиды, пошлости, нищету рабочих временных жилищ, бесправность голых степей, бесприютность и мрак зимней тайги...»

Поэтом не удивительно, что режиссер так хочется приукрасить и подправить свою деревню. Ведь если художник не видит подлинной жизни в ее сложности, напряжении, красоте, — значит, он вынужден придумывать собственную театральную «красоту». Нужно ли здесь еще напоминать слова Н. Чернышевского, что «прекрасное есть жизнь», или говорить о том, что лучшие произведения нашего коммунистического искусства рождались на основе нных, чем у постановщика «Сердце девичье затуманилось...», принци-

пов? И, право, если бы Равенских не изобретал «изящную» колхозную жизнь, а искал красоту в подлинной действительности, то ему не пришлось бы воздвигать на сцене Драматического театра избы полноразного дерева и несклади складывать в уста героев (все во имя той же «красоты») строки из Александара Блока.

Бор. МЕДВЕДЕВ

в воскресенье...

Джозеф НОРТ
сообщает
о XIV сессии
Генеральной
Ассамблеи ООН

РАЗОРУЖЕНИЕ — ВОПРОС ВОПРОСОВ!

КАЖЕ Т С Я, только вчера я слышал в здании, где сейчас проходит сессия Генеральной Ассамблеи ООН, как Никита Сергеевич Хрущев произнес свою историческую речь о полном и всеобщем разоружении. А теперь здесь обсуждаются предложения, внесенные главой Советского правительства.

Показательно, что с первого дня обсуждения, то есть с 9 октября, баллон от отказа забит нью-йоркцами и другими гостями. Надвинулись, они внимательно следят за дискуссией, которая может оказаться самой значительной во всей истории ООН, а возможно, и в истории

человечества. Ибо обсуждается вопрос о первых шагах к заветной мечте человечества — о том, как начать переговоры, мечи на орала.

Хрущев выступил со своей речью перед многочисленной аудиторией, которая не только слушала, но и думала: и потому большинство человечества горячо поддержало его выступление. И здесь, в величественных залах штаб-квартиры ООН, где, как и следовало ожидать, ведется сложная закулисная борьба, посланцы Азии и Африки вместе с представителями социалистических стран добились, чтобы советские предложения были обсуждены в первую очередь.

То, что сказал на днях первый заместитель министра иностранных дел

СССР В. В. Кузнецов, и то, что говорил от него Н. С. Хрущев в середине сентября, — предельно ясно и убедительно. Если поговорить с американцами, то большая часть их, — исключая мизерное число бешеных антикоммунистов, — отказывающихся выйти из мги предрассудков, — приветствует советский план разоружения. Негритянский журналист Май, обозреватель влиятельной газеты «Питтсбург курьер», заявил на прошлой неделе: он сожалеет, что эти предложения о разоружении не были сделаны американцем. Будучи религиозным человеком, он удивляется, почему религиозные деятели не предлагали того же, что предлагал Хрущев и его соотечественники — тот самый «Хрущев, который сказал

нам, что он неверующий», — добавляет обозреватель. Он молится за успех этого проекта и убеждает делегатов ООН подойти к нему со всей серьезностью.

Правда, осталось еще немало людей, которые, как популяры, повторяют шаблонные фразы о всеобщем контроле и инспекции. Простого американца упрекать за это не следует. Ведь клевета, будто советские предложения исключают инспекцию и контроль, так часто повторялась сторонниками войны, что в конце концов им удалось заставить многих американцев поверить в это. Но никакие фальшивые аргументы и доводы не позволяют так просто взять и отмахнуться от идеи всеобщего разоружения — это ясно любому правительству. И уж во всяком случае это невозможно в наше время. Все чаще и чаще раздаются голоса американцев — и я имею в виду и простых людей, и лиц высокопоставленных, — заявляющих, что наша экономика отнюдь не обязательно должна иметь в своей основе военный бюджет. Американское общество в восторге от выставленного ряда доводов в доказательство того, что мы — то есть капиталистические страны — можем не бояться опустошительного кризиса, даже если откажемся от военных бюджетов и передадим эти ассигнования на мирные нужды.

Однако люди, охваченные военным психозом, так легко не сдаются. Они вступают в рукопашный бой, стреляют из каждого укрытия, из любой ямы. Они пользуются всеми уловками и ухищрениями, чтобы опровергнуть простые и ясные аргументы в пользу полного разоружения.

Вот почему в том же самом здании ООН находится силы, заинтересованные в обсуждении так называемого «тибетского вопроса». В кулуарах ООН отметили весьма характерный факт: делегаты из стран Азии — континента, для которого, казалось бы, данный вопрос имеет наибольшее значение, — не намерены поддерживать обсуждение этого «мертвого дела», как его называют многие. В Азии присоединилась и Африка, — иными словами, делегаты стран, где проживает подавляющее большинство человечества, отнюдь не намерены присоединяться к крикашным голосам империалистических «защитников прав тибетского народа». И только благодаря неизменному нажиму делегатов США на западные державы и латиноамериканский блок этот вопрос был включен в повестку дня. Многие понимают, что все это — не что иное, как попытка помешать обсуждению основной проблемы, стоящей перед человечеством, — проблемы разоружения. «Поблизкая тактика затяжек ни к чему не приведет», — сказал один из делегатов, с которым я беседовал.

Да, сторонники гонимых вооружений упорно сопротивляются, но я уверен, это — лишь сдерживающие маневры отступающей стороны. И пусть даже они сражаются на дипломатической арене столь же ожесточенно, как солдаты фон Паулюса в сталинградской степи, — мы помним, чем кончилось сражение в приволжском городе. Ист-Ривер в Нью-Йорке — это не Волга, но клязми тымы могут быть точно так же разбиты на берегах американской реки.

НЬЮ-Йорк, 14 октября. (По телеграфу)

БУДУЩЕЕ... НО КАКОЕ?

АЛЖИР, 30 сентября. Горькой иронией веет от этого снимка, запечатлевшего алжирские будни. Арабская женщина, укутанная чадрой. Жалкий лоток уличного торговца. На стене — французский плакат: по беззастенчиво голодной дороге (как следует понимать, проложенной французскими «благотельниками») бодро шагают алжирские дети; на плакате — надпись: «Дорога в будущее». А на фоне всего этого, на переднем плане, — вооруженный французский солдат, один из тех, кто террором и кровью утверждает господство Франции в Алжире «Дорога в будущее» ведет в колониальный тупик...

Снимок из французского еженедельника «Экспресс»

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

В ЭТИ осенние дни на нашей планете властно повелевает весна. В мире стало светлее, как будто советская космическая ракета, коснувшись поверхности Луны, привнесла яркость этой «небесной лампады». В мире стало теплее, ибо поездка Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки зажгла в миллионах сердец горячий огонь надежды. Народы верят, что льды «холодной войны» можно растопить, что нависшие над землей тучи могут рассеяться. Они считают, что человечество может избавиться от тисков страха и неуверенности в завтрашнем дне, сбросить с плеч тяжкое бремя вооружений.

Люди рады свету и теплу, но яркие лучи не по нраву летучим мышам, они любят темноту. Большинство этих противных тварей безразлично. Однако речь пойдет об особом хищном виде летучих мышей. Их злобное циканье доносится со страниц наирских газет «Ахбар эль-Юм» и «Аль-Ахбар».

У летучих мышей очень маленькие глаза. Они плохо видят и днем, и ночью. Но братья Мустафа и Али Амин — владельцы издательства «Ахбар эль-Юм», которому принадлежат обе газеты, — еще и нарочно шурят глазами, чтобы не видеть реальных фактов. Они «не замечают» радости и облегчения, которые испытывают сейчас миллионы арабов, так же как и люди доброй воли во всем мире в связи с появлением международного климата.

Братья Амины, как и все летучие мыши, ориентируются по слуху. Но их слуховой аппарат настроен на определенную волну. Он воспринимает только голоса противников ослабления напряженности, врагов международного сотрудничества. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с тем, как принадлежавшие Аминам органы печати освещали важнейшие события современности — визит главы Советского правительства в США. Накануне приезда Н. С. Хрущева в Вашингтон «Ахбар эль-Юм» уверяла, что американский народ «недоволен этим визитом». На самом же деле встреча глав правительств СССР и США повергла в траур лишь реакционеров и милитаристов, заинтересованных в продолжении «холодной войны».

Братья Амины спешат убитым зародившимся в сердцах людей надеждам. Они клеветают на миролюбивую Советскую державу, брызжут бешеной слюной. Становясь в позу божественных интеллигентных арабов, эти люди бешутся и орают, будто Хрущев и Эйзенхауэр намерены заключить сделку за счет малых народов. Но арабы не хуже других народов знают, что какие бы то ни было закулисные

ные махинации чужды Советской державе. Отвечая клеветникам, бейрутская газета «Ан-Надд» писала: «...Только после появления на международной арене Советского Союза и благодаря ему мир стал считаться с правами малых народов. Не кто иной, как Советский Союз, первым из великих держав заключил равноправные договоры с малыми странами. В годы этих политических и экономических соглашений хорошо ощутили на себе Ливан, Сирия, Египет, Ирак и другие арабские государства».

Империалистические подложки — вот кто действительно вредит национальной независимости арабских стран. Было время, когда братья Амины выслеживали врагов монархического режима. Оба брата были любимицами и сообщниками негодной памяти египетского короля Фарука и доносили ему обо всем, что удавалось разнюхать. За что и получали мзду. Деньги, заработанные на доносах, увеличивали и без того немалые капиталы, доставшиеся братьям от их отца. Амины становятся крупнейшими газетными магнатами. Издательство «Ахбар эль-Юм», основанное ими в 1944 году, владеет более чем 30 газетами и журналами. Но аппетиты их не насыщены, и братья постоянно ищут новые способы умножения своего богатства. С этой целью они превратили газету «Ахбар эль-Юм» в рупор империалистической пропаганды. Амины воспевают «западную демократию», «добрые» намерения монополий на Ближнем и Среднем Востоке, изображая их противниками колониализма и «друзьями арабов». С этой идиллической сладкой мелодией резко контрастируют злобные нападки борзошпицшпир братьев на Советский Союз и другие страны социалистического лагеря. Нет такого грязного утилизатора, которым они попрекали бы для изготвления дешевого антисоветского товара.

Но летучим мышам не обратить день в ночь. «Ахбар эль-Юм» — не единственный источник информации для арабов. Миллионы людей на Ближнем и Среднем Востоке горячо приветствуют итоги бесед между Н. С. Хрущевым и Д. Эйзенхауэром. Их надежды на мир и светлое будущее крепнут.

М. М.

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ПУСТЬ КРЕПНУТ НАШИ СВЯЗИ!

Старые узлы дружбы связывают народы нашей страны, в том числе и мой родной белорусский, с народами Америки. Хочу, в частности, напомнить о жителе Сан-Франциско «докторе Руселе» — белорусе Николае Константиновиче Судзиславском, много сделавшем для укрепления связей между традиционными России и США; о Володарском, Семине Восточном и других русских революционерах, нашедших убежище в США; о замечательном металлурге, белорусе Михаиле Курако, который много поучился из опыта американских инженеров.

Я надеюсь, что астрон Н. С. Хрущева с Эйзенхауэром приведет к укреплению связей трудящихся нашей страны и, в частности, белорусов с народом Америки.

Г. КРИЧЕВ, БССР.

ЗАВАЛИТЕ ЛАЗЫ!

Недавно встретились представители двух великих держав — Никита Сергеевич Хрущев и Д. Эйзенхауэр. Услышав меня, я инстинктивно отшатнулся. От имени всех погибших, всех неуверенных на войне требую: не выпускайте чужаков из бездонных дупел тяжелых камней! Завалили лазы, из которого не один раз выползала война — гибель человечества.

П. ФАДЕЕВ
г. КОТОВСК, Тамбовская область

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

и Воронежское отделение Союза писателей с глубоким прискорбием извещают о смерти советского писателя-критика

БОРОДИНА Илья Николаевича, последовавшей 13 октября 1959 года, и выражают соболезнование семье покойного.

Справки о дне похорон по телефону В-3-51-08.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

и Башкирское отделение Союза писателей с глубоким прискорбием извещают о смерти народного поэта Башкирии

РАШИТА НИГМАТУЛЛИНА, последовавшей в г. Уфе 13 октября с. г., и выражают искреннее соболезнование семье покойного.

Десять тысяч человек слушают поэта

В АПРЕЛЕ этого года Пабло Неруда побывал в Венесуэле. Толпы народа всюду приветствовали поэта. В любом из городов, которые он посетил, начиная со столицы Каракаса, его называли гордостью Латинской Америки. Однажды Неруда беседовал с молодыми венесуэльскими поэтами. Они спросили его, что он думает о том высоком признании, которое нашло его творчество среди миллионов простых людей Латинской Америки. Вот что ответил Пабло Неруда:

— Постоянное общение с чилийским народом научило меня многому. Помню, как однажды, в 1939 году, мне пришлось выступать на большом рынке Вега в Сант-Яго. Профсоюз грузчиков пригласил меня читать стихи и поэмы. Люди, которые собрались меня послушать, стояли босые, в мешках из дерюги вместо одежды. Вряд ли можно было найти среди них грамотного человека.

Когда я сел за стол, мне стало не по себе. Что читать, чтобы меня поняли? И я раскрыл книгу «Испания в сердце» — ведь события гражданской войны в Испании еще жили в памяти людей. Это были не простые стихи. Временами мне приходилось прерывать чтение и разъяснять написанное. Прошло много времени. Я прочитал почти всю книгу. Царило глубокое молчание, глаза людей были устремлены на меня, никто не двинулся.

Когда я закончил, один из моих слушателей встал и произнес слова, которые я никогда не забуду. «Дон Пабло», — сказал он, — мы долго слушали вас. Никто еще с нами так не разговаривал, никто не читал нам стихи». И он заплакал, а вслед за ним многие из присутствующих, не желая показать этого, с какой-то сдержанной гордостью стали вытирать слезы. Мне было очень трудно в эту минуту — за всю мою жизнь со мной не происходило ничего подобного. Этот случай убедил меня, что поэзия должна стать доступной для всех, заставить начать поиски новых путей. Тогда я впервые осознал суровый долг поэта — всегда быть вместе со своим народом...

Мы вспоминали этот рассказ Пабло Неруды в связи с недавним событием в Сант-Яго, в театре Кауполикана. Это самый большой театр в стране. В нем происходят все массовые зрелища, которые так любят чилийцы, — цирковые представления и спортивные состязания. Здесь же выступают и политические деятели. — сцена Кауполикана всегда была для них пробным камнем, потому что увлечь слушателей так, чтобы огромное помещение театра было заполнено до отказа, — эта задача под силу не каждому. Вот почему деятели из правых партий, не пользующихся популярностью среди народа, боятся, как говорят чилийские журналисты, «показать свое лицо в Кауполикане».

Когда недавно в городе появились многочисленные двухцветные афиши, приглашающие население Сант-Яго в Кауполикана на чтение стихов, многие отнеслись к этой затее весьма прохладно. Поэт, читающий свои произведения в Кауполикане, — такого еще не было.

...И вот мы в театре. Воскресенье, десять часов утра... В огромном зале уже не осталось ни одного свободного места. Большинство слушателей — рабочие, пришедшие в театр с женами и детьми. Они собрались для того, чтобы послушать стихи Пабло Неруды, — ведь в этот день поэт отменял свое пятидесятилетие. В течение трех часов читал юбилейные свои произведения. Это были юношеские песни о любви и стихи военных лет, стихи из книги «Всеобщая песнь» и последние, еще не изданные поэмы. Около десяти тысяч человек слушали поэта. Возвращаясь, молчали, лишь иногда прерываемое аплодисментами, воцарилось в зале.

«Высокие почести, оказанные Неруде, свидетельствуют о возросшей культурной зрелости нации», — писала денская газета «Ультима Ора» в передовой статье. «В апофеозе своих пятидесяти пяти лет Пабло Неруда по-прежнему молод: 25 поэм прочитал он на своем юбилее» — такую «шапку» дала газета «Ла Насьон» над двумя страницами, посвященными событию в Кауполикане. «Я пришел в Кауполикана как частное лицо. Я не могу передать волнение, охватившее меня при виде заполнившего театр толпы. То, что случилось вчера, кажется мне весьма замечательным», — написал один литературный критик в газете «Илюстрадо».

Приведенные нами выдержки взяты из официальных газет правого толка. И это весьма показательно: выступление Пабло Неруды в Кауполикане убедило всех, что его поэзия живет в сердце народа.

Серхио Вильберас,
Хоакин Гутьеррес,
чилийские журналисты
САНТ-ЯГО.

Пабло Неруда читает свои стихи в театре Кауполикана.

Фото авторов

В городе семи сокровищ

ИЗЯЩИЕ и грациозные волевики кружатся по сцене легким ветерком, проплывают белыми облачками, порхают легкими снежинками. Они — как стайка трепетных красавцев-голубей, посланных тактам чарующей музыки Шопена. Да, именно сказочными волшебниками казались мне в день своего первого концерта прославленные солисты советского балета, показавшие пекникам свое высокое искусство.

На смену мелодиям «Шопенианы» приходило дорожке сердцу каждого зрителя грустные звуки музыки Сен-Санса. Танец умиротворяющего лебедя... Танцует Галина Уланова... На сцене нет никаких декораций, но балерина словно принесла с собой в зал осеннюю прохладу тихого озера, свет холодной луны, в котором отражается тень одинокого лебедя. В ее жесте — безраздельное восторжество, об ушедшей весне, о любви, принца, страдание от невозможности ответить на это чувство.

Позднее Уланова говорила: — В отдельных буквах алфавита нет никакого смысла, но, сочетая их, можно создать бесконечное множество слов. Так и в балете. С помощью каждого жеста, каждого движения можно выразить тысячу мыслей.

В этих словах — секрет искусства Улановой. И вспоминаю их, я думаю о том, что артиста балета можно, очевидно, сравнить с поэтом. Китайский литератор Сунской эпохи Ли Шичи, воспеывая стихи большого поэта древности Ду Фу, писал: «Он так тонко подбирает каждое слово, что его стихи читаются легко и свободно, будто они на-

писаны без всякого усилия». Когда видишь Уланову в танце, то может показаться, что она тоже танцует «без всякого усилия». Но ведь каждый ее жест, поворот, движение — результат не только природного дарования, но и кропотливого труда.

Какие еще выступления артистов советского балета потрясли нас? Мне не легко ответить на такой вопрос, — для этого мне нужно было бы перечислить всю программу гастролей. Конечно, я называю номера концертной программы — танец ахакских из «Фауста» Гунно в исполнении Майи Плисецкой, парные танцы О. Лепешинской и К. Сергеева и балеты «Лебеди-

ное озеро», «Каменный цветок», «Жизель», «Тропический оркестр». И конечно же, танцевальный номер Потанова «Сталкерград», в постановке которого словно оживил героиня Великой Отечественной войны, перенес нас в тревожные дни борьбы на берегах Волги.

...Я — частый посетитель концертов и спектаклей балетной труппы Большого театра Союза ССР. Каждый раз я вижу на сцене живые, изумительные образы, создаваемые силой таланта советских мастеров балета. И кажется, что они переносят меня в древний сказочный Цитабек — город семи сокровищ.

МЭИ ЛАНЬ-ФАН,
китайский артист
ПЕКИН, октябрь

Нет дыма без огня...

«А ИК и Дик вместе или же Аик против Дика?» Статья под таким заглавием опубликовал американский журнал «Ньюс-уик». В этой статье журнал рассматривает «некую политическую картину», выявившуюся после того, как президент Эйзенхауэр пригласил Н. С. Хрущева посетить США. Что является всего выступает в этой картине, пишет «Ньюс-уик», «это возникновение между президентом Эйзенхауэром и вице-президентом Ричардом Никсоном идеологических разногласий по основному вопросу — о том, как вести себя в отношении России». Лица, близкие стоящие к Белому дому, подтверждают журнал, «почти не сомневаются, что разногласие существует».

По словам «Ньюс-уика», «Эйзенхауэр считает, что Соединенные Штаты должны показать всему миру, что они готовы стоять вместе с русскими за стол и добросовестно обсудить с ними стоящие перед всем миром проблемы». Позиция же Никсона такова, утверждает журнал, «что русские могут ошибочно принять такой подход за свидетельство слабости. Такую позицию Никсон занимает со времени своих знаменитых дебатов с Хрущевым в Москве, и он ничем не показывает, что готов сейчас отказаться от этой позиции».

Далее журнал «Ньюс-уик» пишет: «Пока что несомненным результатом визита г-на Хрущева является отсутствие Никсона на происходящих сейчас совещаниях по вопросам высокой политики. Он не участвует ни в сове-

щениях в Белом доме или в государственном департаменте, ни в подготовке к проведению еще до конца этого года совещания на высшем уровне».

Правда, конгресс распущен на каникулы, и вице-президент вполне имеет право на отдых (кроме того, ему необходимо время, чтобы привести в порядок политические дела в своем родном штате Калифорния). Однако высокопоставленные творцы политики утверждают, что это только объясняет его отсутствие на совещаниях, но не указывает причину.

Разительный контраст между нынешним положением и положением весной этого года, когда Никсон принимал участие во всех предварительных планированиях американско-советских отношений. И создавшееся положение не может не повлиять на политическую обстановку внутри страны.

Все (в том числе и сам Никсон) согласны с тем, что следующим президентом, возможно, будет такой человек, который, по мнению избирателей, лучше всех сможет вести дела с Хрущевым.

В заключение журнал заявляет: «...Тень Хрущева может и дальше нависать над внутриполитическим фронтом Америки, даже в момент, когда американцы будут решать, кого они хотят иметь своим президентом».

Слово против тьмы

ШВЕЙЦАРСКИЙ город Цюрих славится своими тремя музеями: историческим, ботаническим и зоологическим. Надо полагать, что между ними никогда не происходило распрей из-за того, где хранить соответствующие экспонаты. Не так уже трудно отличить исторические предметы от ботанических или зоологических феноменов. Но вот мы держим в руках сентябрьский номер выходящего в Цюрихе журнала «Швейцарский рундшау», в котором опубликована статья некоего Раймунда Германа под грозным названием «Методы борьбы в холодной войне». И перед нами встает вопрос, в каком же из трех музеев следует сохранить для потомства эту курьезную книжечку. Автор статьи, несомненно, полагает, что им создан документ исторического значения. Мы же находим, что этой брошюре место или в ботаническом музее в раздле, где выставлены об-

НЕЧТО ЗООЛОГИЧЕСКОЕ

раздлы растительной жизни, или в зоологическом, поскольку писания Раймунда Германа проникнуты поистине зоологической ненавистью к культуре, искусству, морали, ко всему духовному миру людей, вдохновляемых идеями коммунизма. Именно эта ненависть побуждала автора сейчас, когда все прогрессивное человечество борется за прекращение «холодной войны», заняться разработкой ее тактики и стратегии и помать себе голову над тем, как добиться «ниспровержения коммунистических режимов холодным способом», поскольку прибегать к «горячим» небезопасно для западного мира.

«Имеется», — пишет Раймунд, — четкое основное правило стратегии, которое гласит, что следует направлять удар в слабое место противника». И автор стремится уверить своих читателей, что он сумел нащупать такую «ахиллесову пятку коммунизма», обнаружив в нем... «слабости в основном психологическо-иррационального свойства».

Оказывается, все страны социалистического лагеря страдают от «духовного увечья». А с чего бы это, собственно говоря? Потому, упаси боже, чего-нибудь не перепутать в витиеватом ходе развития его мыслей, мы позволим себе привести почти целиком основное место этой исторической статьи: «Мы стоим здесь, — рассуждает, мудрствуя лукаво, цюрихский ищущий, — в точности перед такой же проблемой, как и психиатр, желающий излечить психически больного от духовного оцепенения... Речь идет о том, чтобы применить психотерапевтические методы не к отдельному человеку, а к целому народу. Возможен ли такого рода перенос? Современная психология утверждает, что духовные компоненты (чувство страха, стремление к развитию, поиски бога), будучи изгнанными из сознания (это происходит в восточных государствах благодаря систематической пропаганде), собираются в подсозна-

тельном и там развиваются за счет своей собственной энергии. Если этот разрыв между сознанием и подсознательным становится особенно большим, то подсознательное может стать самостоятельным и начать действовать независимо от сознания. Следует поэтому ожидать, что сознание коммунистических народов к какому-то определенному моменту не сможет противостоять иррациональному подсознательному, что приведет к массовым психозам... Наша цель состоит в том, чтобы этот, уже имеющийся место процесс ускорить...»

Как видите, все очень просто. Надо довести людей в коммунистическом мире до сумасшествия, а уж там справиться с ними будет тлевое дело.

Первая мысль, которая приходит в голову по прочтении статьи Германа, — посоветовать ему немедленно самому направить свои стопы к психиатру. Но, адмиравая во всю эту страсти и тактику, начинаешь понимать, что автор руко-

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.
Редакционная коллегия: В. В. БОНДАРЬ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБИЧЕВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.